

ЧТЕНИЕ БУЛГАРСКОГО ЭПИТАФИЧЕСКОГО АЛИФА

Желтов П.В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, г. Чебоксары, Московский проспект д.15), e-mail:chnk@mail.ru

Статья посвящена пристальному анализу вопроса чтения алифа в болгарских эпитафиях. Выявлено, что татары могли сохранять болгарские слова в татарской заднерядной огласовке только в случае заднерядности болгарского *a*, в противном случае они бы опереднялись, как поздние и ранние чувашское заимствования. Такая заднерядность болгарского *a* была возможна только в случае, если бы это *a* было слегка или сильно огубленным – *a^o*, но не доходило до широкого открытого *o*, как в верховом диалекте чувашского языка, иначе бы это *o* перешло в тат. в *ö, u*. Также выявлено, что переход *a>o* возможен только через отодвигание *a*, при котором оно становится более заднерядным, а в конце концов глубокозаднерядным. При такой артикуляции это *a* переходит в *a^o*, которое затем может, двигаясь в обратном направлении, перейти в заднее или среднеязычное *o*. Болгарское древнее *a*- сохранялось в чувашском в качестве реликтового *a*- (не перейдя в *o* вследствие влияния болгарских *a*, *a^o*-диалектов) либо среднебулгарского *a^o*, при заимствовании в среднебулгарские *o*-диалекты (давшие начало чувашскому языку) воспринималось последними, вследствие недостаточной огубленности, не как *o*, а как *a*. В среднебулгарское время были болгарские диалекты, в которых переход *a>o* ещё не завершился и в которых общечув. *o* соответствовал *a^o*, *â*, который при заимствовании в чувашском языке воспринимался как *a*.

Ключевые слова: чувашский язык, болгарские эпитафия, алиф

READING THE BULGAR EPITAPHIC ALIF

ZheltoV P.V.¹

¹I.N. Ulyanov's Chuvash State University Cheboksary, Russia (428015, Cheboksary, Moscow prospect, 15), e-mail:chnk@mail.ru

The article is devoted to the close scrutiny of alif in Bulgar epitaphies. It was revealed that the Tatars were able to maintain the Bulgar loanwords in Tatar back vowelling only if Bulgar loanwords were back vowelled, otherwise they used to move to front as late and early Chuvash borrowings. This back vowelled Bulgarian *a* was only possible if it was a slightly or greatly labialized *a^o*, but didn't reach the wide open *o* like in upland dialect of the Chuvash language, otherwise it would have turned into Tatar *ö, u*. Also was found that the transition *a > o* was possible only through backward moving of *a*. In this articulation *a* is transferred to *a^o*, which can move in the opposite direction to the middle or back vowelled *o*. Bulgar ancient *a*- preserved in Chuvash language as a relict (not transferring to *o* because of the influence of Bulgar *a*, *a^o* - dialects) or the middle Bulgar *a^o* as *a* in borrowings into middle Bulgar *o*-dialects (which gave rise to the Chuvash language) perceived the latter, due to the lack of labial, not as *o*, but as *a*. In middle Bulgar time there were Bulgar dialects in which the transition *a>o* did not yet finish and in which common Chuvash *o* was matched by *a^o*, *â*, which when borrowing in Chuvash was perceived as *a*.

Keywords: Chuvash language, Bulgar epitaphies, alif

Введение

Вопрос чтения алифа болгарских эпитафий является одним из основных в вопросах реконструкции фонетики среднебулгарского языка. Ответ на этот вопрос позволил бы также окончательно определиться с болгаро-чувашскими языковыми взаимоотношениями и ответить на другой вопрос, а именно: являлся ли чувашский язык в эпоху написания этих эпитафий близкородственным, но отдельным языком или же он был всего лишь диалектом среднебулгарского языка?

Вопросы языковой и диалектической дифференциации в рамках одной языковой общности весьма сложны и включают в себя, помимо лингвистического аспекта, этнический, религиозно-культурный и территориальный.

Этнический аспект включает в себя вопросы этногенеза, т.е. генетическую идентичность или дифференциацию, и зачастую бывает связан весьма непосредственно с религиозно-культурным аспектом. Как известно, религия в древности разделяла людей одной национальной принадлежности и объединяла людей разных национальностей.

В рамках болгарской проблемы исследователи зачастую опираются на все три аспекта. Не вдаваясь в экстралингвистические аспекты, мы намерены ответить на один конкретный вопрос, а именно – вопрос чтения алифа в болгарских эпитафиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопрос чтения алифа в болгарских эпитафиях давно волновал тюркологов, и мнения ученых по этому вопросу разделились диаметрально: с одной стороны стоят такие исследователи, как Н.И. Ашмарин, Н.Ф. Катанов, М.Р. Федотов, А. Рона-Таш, О. Прицак, Р.Г. Ахметьянов, Н.И. Егоров, придерживающиеся того мнения, что алиф болгарских эпитафий следует читать как широкое открытое *o*[o], полностью идентичное чувашскому верховому *o*[o], с другой стороны – ряд таких ученых, как Г.В. Юсупов, Ф.С. Хакимзянов, М. Эрдаль, М.З. Закиев, считающие, что алиф болгарских эпитафий следует читать как *a*[a] или *a*[°][ɔ].

Если принять первую точку зрения, то получается, что предок чувашского языка являлся либо параллельным диалектом по отношению к диалекту (или говору) болгарских эпитафий, либо его прямым продолжением.

Противникам такой точки зрения, полемизирующим на основании религиозной принадлежности болгар, легко возразить: во-первых, не все болгары были мусульманами и не все чувашы – язычниками (среди чуваш, по крайней мере некоторой части, был распространен и ислам, причем независимо от татар), а во-вторых, носители одного и того же языка и даже диалекта зачастую бывают людьми разных конфессий (ср., например, носителей сербохорватского языка, среди которых сербы – православные, хорваты – католики, а боснийцы – мусульмане).

Если принять вторую точку зрения, то получается, что чувашский (древнечувашский) и среднеболгарский языки, составляя одну языковую общность, всё же были достаточно дифференцированы и восходили как параллельные ветви к ранневолжскоболгарскому языку.

Иными словами, при принятии первой точки зрения получается, что язык болгарских эпитафий и предок современного чувашского языка отличались минимально, как отличаются современные чувашские диалекты, или не отличались вовсе, а при принятии второй точки

зрения получается, что язык болгарских эпитафий и предок современного чувашского языка отличались так, как отличаются казанско-татарский и мишарский в области огубления, т.е. имело место достаточно сильное отличие по этому признаку.

Более того, получается, что чувашский язык в своем историческом развитии пошел гораздо дальше (*a* в чувашском перешло в *o*), хотя последнее, возможно, могло произойти уже в новобулгарскую эпоху в языке собственно чувашей.

В связи с этим вопросом возникает и вопрос о связи каз.-тат. и башк. огубления: является ли каз.-тат. и башк. *â*, *a°* первых слогов наследием болгарского субстрата, т.е. подобные *â*, *a°* соответствовали в большинстве болгарских диалектов *o*[*o*] меньшинства, давшего начало чувашскому языку, или же это огубление суть иранское фонетическое явление, привнесенное татарскими предками казанских татар из Средней Азии и уже впоследствии распространившееся на башкирскую фонетическую систему?

Очевидно, что на вопрос чтения алифа и реконструкции искомой фонемы в среднебулгарских диалектах по отношению к чувашскому *o/ô/y* невозможно дать ответ в рамках анализа арабской графики, применявшейся в эпитафиях, так как применявшаяся арабская графика не была адаптирована для нужд тюркского языка в области фонетики, а диакритические знаки отсутствуют.

Известно, что в арабской графике алиф без диакритических (подстрочных или надстрочных) знаков может читаться и как *a*[*a*], и как [э], [æ], [ε] (в зависимости от использующих арабскую графику языков – беглый вялый гласный (ə) в арабском, *â*, *æ*, *ε* в иранских и тюркских языках), и как *o*[*o*], *ô*[*ö*], и как *y* [*u*], *î*[*ü*], и как *i* [*i*], и как *ы* [*ï*]. Единственным указателем на качество гласного в таком случае могут быть окружающие его согласные (эмфатические указывают на гласные заднего или среднего ряда, а не эмфатические – на гласный переднего ряда). Именно такая, неадаптированная арабская графика и применялась при создании болгарских эпитафий.

В этом отношении собственно болгарская эпиграфическая традиция противостоит тюрко-татарской традиции той же эпохи, где для обозначения *o* или *y* первого слога (например, в слове *оглы* или *углы* ‘сын’ – возможно различное чтение) использована диграмма *و* (алиф-вав).

Собственно казанско-татарская арабографическая традиция базируется уже на среднеазиатско-иранской разновидности арабского письма и прямым продолжением «тюрко-татарский» арабографической традиции Среднего Поволжья XIV-XV вв., существовавшей синхронно с болгарской, не является.

В связи с этим мы предлагаем решить её с помощью анализа болгарских заимствований в языках народов Поволжья, а именно с помощью анализа болгаро-чуваших заимствований в среднем диалекте татарского языка.

Средний диалект татарского языка распространен как раз на территории компактного расселения болгар и в отличие от финно-угорских языков не подвергался сильному влиянию чувашского языка.

Последнее особенно важно, так как позднее (постболгарское) сильнейшее влияние чувашского языка на марийский и удмуртский языки стирало более древний пласт собственно болгарских заимствований, заменяя их на чувашские.

Ещё одна отличительная особенность среднего диалекта татарского языка, которая может пролить свет на исследуемый вопрос, заключается в том, что в среднем диалекте существует огубленное a° , отсутствующее в других языках, при этом оно соответствует общетат. и тюрк. a первого слога (~ чув. $o/\hat{o}/y$) а чув. верх. и общетюрк. o первого слога отражается в среднем диалекте тат. яз. как y (~ чув. низ. y , сред. \hat{o} , y).

Более того, татарский язык в целом, включая и средний диалект, при заимствовании слов с анлаутным a или с a первого слога переводит их не в общетат. $a \sim$ сред.-тат. a° , а в тат. $a[\ddot{a}]$.

Среднее чув. верх. $хол$ 'рука' ~ тюрк. $қол, кол$ 'рука' ~ тат. $қул$ ~ чув. низ. $хул$. чув. $о, у$ отражается в тат. как \hat{o} , y : чув. $чора, чура$ 'раб' → тат. $чура$ 'раб' в составе тат. $чура-қол$ 'крепостной' (где $қол$ 'раб' < тюрк. $қол, кол$ 'раб') ~ тюрк. $ჭირა$ 'вассал'; 'раб'; 'оруженосец'; чув. $хом, хум$ 'волна' → тат. диал. $қом$ 'волна'; чув. $нохрат, нухрат$ 'серебро', 'серебрянные деньги' (<араб. $naqarat$ 'гравировка', 'монета с чеканкой', 'чеканка') → тат. $ноқрат$; рус. $вор$ ← чув. $вӑрӑ, вурӑ$ → тат. $буры$ 'вор' (собств. тат. $угры$ 'вор' < тюрк.); чув. $кокӑль, кукӑль$ → тат. диал. $кукыл$ 'пирог'.

Чув. $сара$ 'голый' → тат. $шәрә$ 'голый', чув. $карас$ 'соты', 'воск', греч. $kēros$ 'воск' → тат. $кәрәз$ 'соты', 'воск', чув. $кервен$ (<перс. $gērwan$ 'тяжелый') 'крепкий', 'богатый', 'зажиточный' → тат. диал. $кәрбән$ 'толстый', 'полный'.

Чув. $вакӑ$ 'прорубь' → тат. $бәкӗ$ 'прорубь'; чув. $ара$ 'разве', 'ещё бы', 'да' → тат. $әрә$ (собст. тат. $әйә, ийә$ 'да' < тюрк.).

Чув. $какай$ 'мясо' (<монг. $гахай$) → тат. диал. $кәкәй$ 'мясо' (кряшен., мольк.).

Болгарские и чувашские заимствования, как справедливо отмечал Р.Г. Ахметьянов, разграничить очень трудно, так как фонетического критерия их разграничения практически нет.

Однако мы считаем, что такой критерий имеется. Это, прежде всего, передача a в этих заимствованиях. В чувашских заимствованиях в татарском языке чувашский a передаётся в

основном тат. *ә* (передача чув. *a* через тат. *a* имеет место лишь в словах, в которых помимо *a* присутствует еще один (заднерядный) гласный – *ă(ы)*, *o*, *y*, ср. тат. диал. *алдыр* ‘ковш’ ← чув. *алтăр* ‘ковш’.

Если чувашское слово имеет структуру типа *(c)-a-c-(c)-a*, где *c* – чувашский твердый, непалатализованный согласный (типа *m, k, p, n, l, m, h, v, s, ш*), то чувашский *a* в таком слове в татарском языке всегда передается как *ә[ä]*.

Причина состоит в том, что чувашский *a* – звук среднего ряда (как обычное рус. *a*) или средне-заднего ряда (как русское *a* в слове *сад* [сΛd]), т.е. гораздо менее глубокое, чем огубленное каз.-тат. *a°*, и поэтому для татарского уха оно ближе к тат. *ә[ä]* (которое русскими также передаётся через рус. *a*, а чувашами в анлауте через чувашский *a* или *э*, а во втором и последующих слогах через чувашский *e(э)*).

Отсутствие в чувашском увулярного *ç* (~чув. *к-, х-*) в *к*-анлаутных чувашских словах было дополнительным стимулом для передачи чувашских слов с *ка-* через тат. *кә-* (типа чув. *какай* ‘мясо’ → тат. диал. *кәкәй* ‘мясо’).

Таким образом, все болгаро-чувашские заимствования в татарском, которые в чувашском языке имеют структуру типа *(C)aC(C)a*, т.е. имеют в своем составе только гласный *a*, переданы в тат. через *(C) ә C ә*, т.е. в этих словах переход чув. *a* > тат. *ә* следует считать собственно чувашскими заимствованиями.

А вот болгаро-чувашские заимствования в татарском языке, которые в чувашском имеют в первом слоге *a*, либо *ă, o, y*, в последующих *a*, а в татарском передаются через *a(a°)* в первом слоге, собственно болгарскими, ср. тат. *ча°рача, чарача* ‘банные сени’ ← булг. *ча°рача* (сохранение анлаутного *a*) → тат. *чәрәчә* (*a* → *ә* на тат. почве).

Чув. *чүрече* < чув. *чөрече* (вариант *төрече* имеется в сундыр. говорах чув. яз.) < чув. *чорача* (← перс. *дарича*),

тат. *чаршын* ‘хлебина’, ‘перга’ (‘в улье’) ← булг. *чăкăрчăн* (<булг. *чăкăр* ‘хлеб’ ~ чув. *çăкăр* ‘хлеб’ + уменш. аффт. *-чăн*), тат. диал. *чөкөр* ‘хлеб’ < др.-чув. *чăкăр/чĕкĕр* ‘хлеб’),

тат. *ба°з, баз* ‘выкопанная яма’ ← булг. *ба°сă* ~чув. *посă* ‘выкопанная яма’, ‘колодец’ (булг.-чув. *бос-/пос-* ‘копать’ ~ тат., тюрк. *бас-*), тат. *ба°қра, бақра* ‘плевелы’ (~ кыпчак. *оқра*) ← булг. *ба°кра* (~чув. *покра/пукра*), тат. *ақшар* ‘известь’ = собств. тат. *ақ* ‘белый’ + булг. *ша°р(ă)* ‘белый’ ~чув. *шор(ă)* ‘белый’, (возможно, что у болгар наряду с *ша°р(ă)* было и общетюрк. слово *ах/ак* ‘белый’, ср. чув. ойконим *Ахпүрт* – название деревни Ахпердино в Цивильском районе Чувашской Республики, букв. ‘белая изба’, тогда татарское слово *ақшар* целиком заимствовано из булг. яз., ср. чув. *акшар* ‘известь’ ← булг. или опосредовано через тат. яз.), тат. *қа°лақ, қалақ* ‘ложечка’, ‘лопатка’ (из дерева) ← булг. *ка°лак* (собств. тат. *қа°шық, қашық* < тюрк.) тат. *қа°пқа, қапқа* ‘ворота’ ← булг. *капка, хапха* → чув. *хапха*

(собственно татарский глагол *йап-* ‘закрывать’, афф. *-ха* также булг.-чув., в татарском ожидалось бы *қапу, қаны, или қапық, қапқы*),

Таким образом, татары могли сохранять болгарские слова в татарской заднерядной огласовке только в случае заднерядности болгарского *a*, в противном случае они бы опереднялись, как поздние и ранние чувашские заимствования.

Такая заднерядность болгарского *a* была возможна только в случае, если бы это *a* было слегка или сильно огубленным – *a^o*, но не доходило до широкого открытого *o*, как в верховом диалекте чувашского языка, иначе бы это *o* перешло в татарский в *õ, у*.

Действительно, переход *a > o* возможен только через отодвигание *a*, при котором оно становится более заднерядным, а в конце концов глубокозаднерядным. При такой артикуляции это *a* переходит в *a^o*, которое затем может, двигаясь в обратном направлении, перейти в заднее или среднеязычное *o*.

Заметим, что в чувашском языке сохранился ряд характерных болгарских *a*-слов, среди которых имеющие характерные признаки болгарского (и чувашского языков), такие как ротацизм: ср. чув. *аран, арран* ‘еле-еле’, ‘едва’, ‘кое-как’ ← булг. *ар* ‘малый’ (~ тюрк. *аз*) + афф. образования нар. *-н*), чув. **кар-* ‘копать’, ‘долбить’ в составе чув. *карă* ‘долото’ ~ тюрк., тур. *kaz-* ‘копать’, чув. диал. фольк. *какăль* ‘пирог’ ~ общечув. *кокăль, кукăль* ‘пирог’, чув. *çанла* ‘так’, ‘таким образом’ ~ тюрк. *шолай*, тур. *şöyle*, чув. *анла* ‘так’, ‘таким образом’ ~ тюрк. *алай*, тур. *öyle*.

Выводы

Таким образом, болгарское древнее *a*-сохранялось в чув. в качестве реликтового *a*- (не перейдя в *o* вследствие влияния болгарских *a*-, *a^o*-диалектов) либо среднебулг. *a^o* при заимствовании в среднебулг. *o*-диалекты (давшие начало чувашскому языку), воспринималось последними, вследствие недостаточной огубленности, не как *o*, а как *a*.

Ср. также чув. диал. топоним *йамансар* ~ общечув. *йумансар* ‘дубняк’, ‘дубовая роща’ (булг. *йаман* ‘дуб’ ~ чув. *йоман, йуман* ‘дуб’ ~ (тюрк. *эмен*) + афф. множ. *-сар*), диал. имя *Йамантай* ~ общечув. *Йумантай, Йуманнтай* ‘подобный дубу’ (в смысле здоровья, силы) = **йаман* + афф. *-тай*.

Таким образом, в среднебулгарское время были болгарские диалекты, в которых переход *a > o* ещё не завершился и в которых общечув. *o* соответствовал *a^o, â*, который при заимствовании в чувашском воспринимался как *a*.

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках // ВЯ. – 1961. - №6. – С. 128-129.
2. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). – М.: Наука, 1978. – 247 с.
3. Ахметьянов Р.Г. Фонетика древнебулгарских заимствований в татарском языке. Казань.: 1976, в сб. //Татар теле һәм әдәбияты. – Вып. V. – Казань, 1976.
4. Ашмарин Н.И. Заметки по сравнительной грамматике тюркских языков. – Казань, 1918.
5. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Учение о звуках (фонетика). Ч. 2. Учение о формах (морфология). – Казань: Типо-лит. Имп. унт-та, 1898. – Ч. 1. – 392 с.
6. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. – Симбирск: Тип. Полиграфсекции СНХ, 1923. – Ч. 2. – 273 с.
7. Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. – Казань, 1921.
8. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Казань; Чебоксары: Изд. Акад. центра ТНKP, 1928-1950. – Вып. 1-17.
9. Егоров Н.И. Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. – Чебоксары: Новое время, 2009. – 854 с.
10. Егоров Н.И. Чувашская диалектология и этнология // Теория и практика этнологических исследований. – М.: Наука, 1985. – 104 с.
11. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. – Ч. I-II.
12. Федотов М.Р. История чувашского языка Ч.1. Звуки. – Чебоксары, 1971. – 103 с.
13. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – Т. 1. – 172 с. – Т.2. – 1983. – 136 с. – Т. 3. – 1986. – 128 с.
14. Федотов М.Р. История чувашского языка. Ч.1. Звуки. – Чебоксары, 1971. – С. 99-103.
15. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. – М., 1978. – С. 102-187.
16. Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica. Acht Noten zu den Wolga-Bolgarischen Grabinschriften des 13-14 Jhs. Wiesbaden, O. Harrassowitz. / O. Pritsak. UAJb, Bd 31, 1959.
17. Pritsak, O. Die Herkunft des tschuwaschischen Futurms / O. Pritsak. WZKM, BdLVI, 1960.
18. Rona-Tas A. Language and History. Contribution to Comparative Altaistics. Szeged, 1986.

Рецензенты:

Сергеев В.И., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.

Губанов А.Р., д.фил.н., профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.